

Человек на часах — эпизод 5 из 7

Тогда еще не было ни городских телеграфов, ни телефонов, а для спешной передачи приказаний начальства скакали по всем направлениям сорок тысяч курьеров, о которых сохранится долговечное воспоминание в комедии Гоголя. Это, разумеется, не было так скоро, как телеграф или телефон, но зато сообщало городу значительное оживление и свидетельствовало о неусыпном бдении начальства.

Пока из Адмиралтейской части явились запыхавшийся пристав и офицер-спаситель, а также и спасенный утопленник, нервный и энергичский генерал Кокошкин вздремнул и освежился. Это было заметно в выражении его лица и в проявлении его душевных способностей.

Кокошкин потребовал всех явившихся в кабинет и вместе с ними пригласил и Свиньина.

Протокол? односложно спросил освеженным голосом у пристава Кокошкин.

Тот молча подал ему сложенный лист бумаги и тихо прошептал:

Должен просить дозволить мне доложить вашему превосходительству несколько слов по секрету...

Хорошо.

Кокошкин отошел в амбразуру окна, а за ним пристав.

Что такое?

Послышался неясный шепот пристава и ясные побрякиванья генерала...

Гм... Да!.. Ну что ж такое?.. Это могло быть... Они на том стоят, чтобы сухими высказывать... Ничего больше?

Ничего-с.

Генерал вышел из амбразуры, присел к столу и начал читать. Он читал протокол про себя, не обнаруживая ни страха, ни сомнений, и затем непосредственно обратился с громким и твердым вопросом к спасенному: Как ты, братец, попал в полынью против дворца?

Виноват, отвечал спасенный.

То-то! Был пьян?

Виноват, пьян не был, а был выпимши.

Зачем в воду попал?

Хотел перейти поближе через лед, сбился и попал в воду.

Значит, в глазах было темно?

Темно, кругом темно было, ваше превосходительство!

И ты не мог рассмотреть, кто тебя вытащил?

Виноват, ничего не рассмотрел. Вот они, кажется. Он указал на офицера и

добавил: Я не мог рассмотреть, был испужамшись.

То-то и есть, шляется, когда надо спать! Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодетель. Благородный человек жертвовал за тебя своею жизнью!

Век буду помнить.

Имя ваше, господин офицер?

Офицер назвал себя по имени.

Слышишь?

Слушаю, ваше превосходительство.

Ты православный?

Православный, ваше превосходительство.

В поминанье за здоровье это имя запиши.

Запишу, ваше превосходительство.

Молись богу за него и ступай вон: ты больше не нужен.

Тот поклонился в ноги и выкатился, без меры довольный тем, что его отпустили.

Свиньин стоял и недоумевал, как это такой оборот все принимает милостию божиею!

Кокошкин обратился к инвалидному офицеру:

Вы спасли этого человека, рискуя собственною жизнью?

Точно так, ваше превосходительство. Свидетелей этого происшествия не было, да по позднему времени и не могло быть?

Да, ваше превосходительство, было темно, и на набережной никого не было, кроме часовых.

О часовых незачем поминать: часовой охраняет свой пост и не должен отвлекаться ничем посторонним. Я верю тому, что написано в протоколе. Ведь это с ваших слов?

Слова эти Кокошкин произнес с особенным ударением, точно как будто пригрозил или прикрикнул.

Но офицер не сробел, а, вылупив глаза и выпучив грудь, ответил:

С моих слов и совершенно верно, ваше превосходительство.

Ваш поступок достоин награды.

Тот начал благодарно кланяться.

Не за что благодарить, продолжал Кокошкин. Я доложу о вашем самоотверженном поступке государю императору, и грудь ваша, может быть, сегодня же будет украшена медалью. А теперь можете идти домой, напейтесь теплого и никуда не выходите, потому что, может быть, вы понадобится.

Инвалидный офицер совсем засиял, откланялся и вышел.

Кокошкин поглядел ему вслед и проговорил:

Возможная вещь, что государь пожелает сам его видеть.

Слушаю-с, отвечал понятиливо пристав.

Вы мне больше не нужны.

Пристав вышел и, затворив за собою дверь, тотчас, по набожной привычке, перекрестился.

Инвалидный офицер ожидал пристава внизу, и они отправились вместе в гораздо более теплых отношениях, чем когда сюда вступали.

В кабинете у обер-полицеймейстера остался один Свиньин, на которого Кокошкин сначала посмотрел долгим, пристальным взглядом и потом спросил:

Вы не были у великого князя?

В то время, когда упоминали о великом князе, то все знали, что это относится к великому князю Михаилу Павловичу.

Я прямо явился к вам, отвечал Свиньин.

Кто караульный офицер?

Капитан Миллер.

Кокошкин опять окинул Свиньина взглядом и потом сказал:

Вы мне, кажется, что-то прежде иначе говорили.

Свиньин даже не понял, к чему это относится, и промолчал, а Кокошкин добавил:

Ну все равно: спокойно почивайте.

Аудиенция кончилась.